

Дорого яичко

Любовь всё превозможет.

Война закончилась. Истосковавшаяся по сильным рабочим рукам земля ждала возвращения ушедших на фронт крестьянских мужиков. Своих дорогих и любимых людей с нетерпением ожидали и селяне, и горожане. Матери и жёны жили этой мечтой.

Много жизней унесла война. Редко в какие дома села Рождественского возвратились мужчины. Дворы, куда так и не вернулись сгинувшие на полях брани, в концлагерях и пропавшие без вести защитники Отечества, остались притихшими, безрадостными, осиротевшими. Дома и строения обветшали, местами покосились, припали к земле. Грустные глаза женщин и детей – особая боль. Им оставалось лишь подолгу безмолвно вглядываться вдаль и молиться о чуде возвращения родных людей, если они ещё были на земле и дышали.

Жизнь не остановить. В селе потихоньку стала налаживаться мирная круговерть. То там, то в другом месте, раздавались удары молотка, топора, призывное пение пилы. Это радостное звучание придавало сил и настроения, возвращало к жизни. Чаше раздавался смех, по вечерам зазвучала гармонь Алексея из крайнего дома, вернувшегося с одной ногой, но вернувшегося! Жена сопровождала его повсюду, гордая и счастливая.

Поправлялись заборы, перекрывались крыши, у кого было чем. Навозом с соломой замазывались, начавшие вращаться в землю, стены. Глубже, на всю лопату, раскапывались огороды. Весной откуда-то появлялась рассада, нарезки веток пахучей чёрной душистой смородины, саженцы яблоневых деревьев, порой неизвестного сорта. По первым плодам определяют, «грушовка» это или «антоновка», а может, и ещё что-то. Хороши всякие плоды, лишь бы урожай был. Вырастут деревья, и пусть не каждый год, через сезон, а начнут плодоносить!

В окнах «радостных» домов появлялись белые, выбитые узорами по кайме занавески. Во дворах добавились верёвки для белья. В хлевах и сараях стал прибавляться скот и птица. В траве возились трудолюбивые разномастные хохлушки с задиристыми ярко-красными петухами, гордо охранявшими свои гаремы.

За огородами, в терновнике, в тряпичные куклы играли две пятилетние подружки. Ни у Нины, ни у Ани отцы с фронта пока не вернулись.

Одним пришло известие, что отец без вести пропал; о другом - ни слуху, ни духу. В их домах ни скотины, ни птицы. Голодно, но надо продолжать жить. Мамки радовались за соседок, к которым вернулись мужья, отцы, а сами ходили глазами долу, улыбались редко. Одни заботы. Деткам тоже передалась их грусть. Матери трудились с раннего утра до поздней ночи в колхозе. Заработка в колхозе никакого: на трудодни лишь палочки. В своих огородах тоже работы невпроворот: детей надо поднимать.

Нина пролезла в колючий терновник, чтобы «выстиранные» куклины вещи на веточки развесить, ступила ножкой под куст и через подошвы дермантиновых тапочек почувствовала что-то мягкое. Девчушка наклонилась, глянула и обомлела: под кустом в гнезде из веточек и пушистой лёгкой пыли лежало ещё тёплое, не успевшее простыть, крупное куриное яйцо.

Когда они с Аннушкой играли, слышали, как кудахтала курица, но не обратили на это внимания. Оказывается, курочка в сухом тихом месте устроила уютное гнездо и снесла в него яичко. Остолбеневшая от неожиданности и обрадованная находкой девочка уже давно не мечтала о яйцах и забыла их вкус. Соль дома была, а яиц не было. Настасья осторожно положила яичко в лопушок, зажала его в ладони, и, царапая лицо и руки колючими ветками, не замечая боли, помчалась домой. На оклик подружки ответила что-то невнятное и продолжала убегать.

Аня недоумённо посмотрела ей вослед и, обиженно поджав губки, стала собирать кукольные пожитки, казавшиеся богатством в её маленьком, обездоленном мирке. Тем удивительнее был внезапный побег подружки.

Возбуждённая, запыхавшаяся Нина прибежала домой. С огорода шла мать, смахивая с лица тыльной стороной ладони, то ли слёзы, то ли пот. Девочка молча протянула руку с устроившемся в ладошке яйцом.

Первое, что пришло в голову матери, «Яйцо! Кто-то явится!», потом:

- Дочка, где ты взяла яйцо?

- Нашла в терновнике! Мы с Аней играли, а я нашла. Свари, мам!

Та на мгновение задумалась:

- Вы вместе играли, вместе и нашли. Значит, яичко должны разделить на двоих. Беги за Аней, а я пока сварю вашу находку. Настя побежала за подружкой.

Женщина поставила алюминиевую кастрюльку на трёхфитильную зажжённую керосинку, а у самой из головы не идёт блуждающая неясная догадка, о которой вслух и говорить нельзя. Может, случится чудо и муж вернётся? Почувствовала в ногах молодую резвость, а тут же, вслед за этим – бессилие.

Щебечущие девочки забежали в дом, уселись за стол. Мария поставила солонку, очистила яйцо и положила его перед подругами на блюде. Ножом, точеным мужем ещё до войны, разрешила яйцо на две части. Девочки приступили каждая к своей половине и обнаружили, что у той и другой по целому желтку! Двухжелтковое яйцо! Не часто, но бывает.

Мать с грустью смотрела на девочек, радовалась, что им удалось полакомиться редким в их жизни в голодные времена деликатесным продуктом.

День клонился к вечеру. Дети утомонились, улеглись и заснули безмятежным сном. Вдали залаяли собаки, звуки дневной жизни угасали. Обессиленная от долгого трудового дня, Мария умылась холодной колодезной водой, вымыла ноги. Приятная свежесть немного сняла усталость.

Присела на крыльцо и задумалась. Как одной троих детей поднимать? Казалось, что не осталось больше сил, на исходе даже мысли об окончании войны, продвижении войск в логово врагов.

Предвоенные ребяташки 37, 39 и 41 года рождения. От «самого» нет ни весточек, ни «треуголок» больше года. Какая судьба ждёт её детей, неужели остаток жизни придётся коротать одной в трудах и заботах, без мужского надёжного плеча? Накопилась усталость и не проходит, хочется выспаться за все годы, а завтра снова вставать чуть свет, на заре. Молва идёт, что Аня внебрачная дочь её брата Александра? Чего только люди не наболтают! Уморила, мысли не в ту сторону...

Прислонившись к косяку, задремала, косынка сползла на плечо. Густые русые волосы тяжело упали на опрятное, в меру изношенное, выцветшее сатиновое платье.

Вспомнились, проплывая в памяти, произошедшие события сорок первого. Как только началась война, мужа сразу забрали в военкомат. Вскоре немцы начали бомбить Ожерелье, где они с мужем и тремя детками попытались устроить свою жизнь после регистрации брака. Она схватила 4-х и 2-х летнего сыновей, привязала к себе 12-го июня родившуюся двухмесячную дочку и вчетвером побежали на станцию, чтобы выехать в глубь России, в Тамбовскую область. Началась бомбёжка. Мальчики крепко хватались за её юбку, девочку она придерживала одной рукой. В другой был крестьянский платок с нехитрыми пожитками, связанный с угла на угол, и с припрятанными в нём двумя пирожками. Зайдя на очередной круг, самолёты продолжали сбрасывать бомбы.

Побежали прятаться в какую-то, невесть откуда возникшую перед ними трубу, чудесным образом возникшую на пути и обнаруженную по дороге к вокзалу. Залезли во внутрь. Затаились. Затихли. Старший, четырёхлетний Валентин, стоял во весь рост, рукой держался за верх трубы, которая по высоте была как раз в его рост, плюс вытянутая рука. Двухлетний Виктор до верха не доставал, держался за припавшую на колени с девочкой на руках мать. Дождавшись окончания бомбёжки, выбрались вместе с другими людьми, и, просидев на вокзале несколько часов, всё же уехали в Богоявленск, а потом добрались и до Рождественского. Здесь и выживали в войну. По возвращении через время в Ожерелье, Мария искала трубу, спасшую им жизнь, но так и не нашла. Никто из родных о ней не знал и никогда не слышал...

Милосердные грёзы сна еще не овладели в полной мере намаявшейся за день женщиной. Казалось, что силы оставили её, но унывать нельзя, грех. Чуть передохнёт и... Верила и надеялась, что скоро закончатся лихие времена, не имела она права расслабляться и подпускать к себе боль душевных страданий и мыслей о возможном одиночестве, тем более, что любимые детки с ней. Всё наладится. Будет хвататься за любую былинку, капельку-дождинку, чтобы поднять ребятишек, сохранить, вручить мужу, если Господь сподобит вернуть его к истерзанной страшными событиями войны, семье.

Мария устала, но не сдавалась. Она и никогда-то вольготно не жила. Всегда в труде, на поле пахала и косила, до крови раздирала руки, когда вязала в снопы пшеничные колосья. Ноги, обутые в, не по размеру, «просящие есть», ботинки, порезаны безжалостной стернёй, спину ломило так, что невозможно было распрямиться... В поисках еды для детей, исхаживала километры дорог, переходя от одной деревни к другой, для обмена соли на спасительный хлебушек, да мало ли что ещё делала, чтобы сохранить и накормить деток... Не сдавалась. Уныние не поселялось в её христианской душе. Верила, что выдюжит, дождётся самого. Самое страшное для матери было перенести отца своих чад из списка «за здоровье» в список «за упокой». С любовью в сердце надеялась, что этого не случится, «а страхи и усталость пройдут»...

Сквозь дремоту неясный скрип пробудил Марию.

На порошках крыльца, рядом с ней, сидел брат Александр в выдавшей виды выцветшей гимнастёрке с расстёгнутым воротом, и пыльных стоптанных кирзовых солдатских сапогах. Брат пристально вглядывался в исхудавшее, но миловидное лицо младшей сестры. Списанный по ранению, уволенный в запас, он с военным обозом добрался до их станции. Не мог пропустить дом сестры. Увидел, как она сладко дремлет на крыльце дома. Будить было жалко, переночевал бы на сеновале, но Мария сама встрепенулась, обрадовалась брату,

а в глазах словно застыл главный вопрос: «О моём ничего не знаешь?»

- Твой Василий добирается с госпиталем - живой, живой! Завтра-послезавтра будет. Комиссовали его. Пришёл упредить, готовься, сестрёнка, а я к семье в Трастён пойду. Часа через три тоже дома буду. Не могу больше терпеть, да и заждались меня. Вот тебе трофейный гостинец: тушёнка фашистская и полбулки нашего, солдатского, ещё мягкого полевого хлеба. А ещё губная гармошка ребятишкам! Начнём жить заново.

Мария в радостном волнении не в силах была слова вымолвить, ноги не слушались, коликами пронзило душу и тело. Так до утра, как заворождённая, и просидела на улице с зажатым в подоле гостинцем.

На заре стало зябко. Зашла в дом, поправила потрёпанные одеяльца из стёганных лоскутков на кроватках детей, погладила всех по нежным худеньким щёчкам. Достала из сундука довоенное зелёное, почти новое, два раза надёванное, платье с круглым воротничком и со складками на плечах, встряхнула его, повесила на дужку кровати.

В этом наряде венчалась, да потом ещё на Троицу надевала. Потрескавшимися губами прошептала, едва дыша:

- Неужели ещё удастся нарядиться?

... Прошли сутки. Мария постаралась за это, медленно текущее время, ни с кем не встречаться. О посещении брата никому ничего не сказала, но солнце для неё светило ярче, становилось радостнее, теплее. Трава была зеленее, дети красивее, говорливее. Откуда-то начали прибывать силы, с неведомой дотоле энергией переделывала домашние дела, гладила по головкам ребятишек, чаще поглядывала в маленькое зеркало, одобрительно улыбаясь.

Казалось, что люди улыбаются по-особому. У самой внутри всё клокотало, стучало в висках. Несколько раз за день расчёсывала волосы, умывалась принесённой детьми из родника водой и украдкой поглядывала на себя в зеркало, отражение в котором благосклонно отвечало оригиналу: всё нормально.

Маруся к вечеру, оставшись одна, грешным делом, скосила под мышками поросль, смазала лицо и руки кусочком свежего масла, принесённого лукаво хохотнувшей золовкой, легла спать и на удивление - моментально легко заснула. Вся суть её ждала выстраданной встречи.

Время от времени она просыпалась; думы, мысли и воспоминания вновь и вновь

возвращали её к действительности, в памяти всплывало прошлое, лихое, местами страшное. Грёзы о лучшей жизни, надежда на сильное мужское плечо, побеждали.

В памяти ясно всплывали самые тягостные события прошедших времён, воспоминаний из детства, период раскулачивания.

Когда у «кулаков» в конце 20-х годов начали отбирать зерно, скот и имущество, во многих семьях было по семь-десять детей. Трудились все: от мала до велика. В годы тотального беспредельного раскулачивания не щадили никого, даже малых детей, ничего не оставляли для пропитания. Выселяли из десятилетиями, своим горбом построенного жилья, в чём были, без куска хлеба и теплой одежды, босыми, бывало, что, и в исподнем. С обувью всегда-то было скудно: она переходила от старших к младшим, пока не изнашивалась до дыр. Гиблое дело – оказаться на улице под холодным небом, без обуви.

Люди пропадали, исчезали с лица земли, как будто их никогда не существовало. Умирали по дорогам к местам выселок, в лесах, в местах, непригодных для жизни поселений. Были случаи, когда в балках, оврагах, лесах и на обочинах дорог находили умерших женщин, молодых матерей с детьми. От их застывшей груди отрывали мёртвых или едва живых младенцев, прикованных к ледяной плоти. Кого выхаживали, а кого и нет. У всех свои беды, скорби, голодные рты. Исчезали во тьме, гибли целыми семьями.

В семье родителей Марии, Петра Тимофеевича и Елизаветы Назаровны Рябых в период раскулачивания было девять детей: Василий, Татьяна, Константин, Александр, Павел, Мария, Николай, Александра, Клавдия. В хозяйстве лошадь с приплодом, корова с телком, куры. Жили не бедно и не богато: на пропитание зарабатывали своим хребтом, как и большинство трудовых семей. Ни на кого не надеялись. У деда Назара и бабушки Ксении была пасека, пчёлы. Тоже помощь. Не побирались и в долг не просили.

В тот памятный безрадостный день, в дом по-хозяйски ввалились «экспроприаторы», готовые всё вывернуть наизнанку – отобрать, уволочь, вывезти. Три сестрёнки: Татьяна, Мария и Клавдия, сидели втроём на кровати спинами к стене, в неопишемом испуге, тесно прижавшись друг к дружке.

Выволакивали всё, что попадалось под руку, в том числе и столетние перины и подушки, заготовленные прабабушками как приданое к замужеству внучек. Подскочивший к испуганным девочкам молодой ретивый уполномоченный с оружием вытащил из-под детей подушки, а другой хваткими ручищами с грязными ногтями вытянул перину. Стёганое лоскутное одеяло оставили: - Запрело. Уж больно воняет.

Самый заядлый, долговязый «налётчик» заметил у одной из девочек серёжки, кинулся к ней и выдернул из мочек ушей девятилетней Марии серьги из жёлтого металла. Были ли они золотые – неведомо, но, говорят, что были из ценного металла. Пораненная мочка правого уха долго не заживала: кровоточила и саднила, а когда, наконец, стала заживать, почёсывалась. Спрятанные стариками на гумне два мешка с пшеницей, по мешку овса и ячменя, обнаружили намётанным взглядом и со знанием дела выволокли к плетневой изгороди. Часть зерна рассыпалась. Елизавета Назаровна собрала драгоценные зерна в старую наволочку, и оно пригодилось, здорово выручив в голодное, лихое время, когда казалось, что уже всё, конец. Хорошо ещё, что не выселили, а то бы так и сгнули в чужих краях во тьме прошлого, как многие, чьи предки были объявлены мироедами и захребетниками.

Незванные гости орудовали в доме и на дворе, но рослый отец семейства, в прошлом бравый красивый офицер казачьих войск, Пётр Тимофеевич, был бессилён сопротивляться.

Да и что он мог сделать? Воля его давно была парализована. С такой адской машиной не поспоришь. Расстрел и всё! Детей растить некому. В своё время Рябых Пётр Тимофеевич в качестве поручика служил в Латвии, представлял интересы Российской империи в Риге, позже, отказавшись стрелять в царя, попал в опалу. Старый офицер каменно молчал, скрежеща зубами.

Служа императору, он скопил, как говорили, десять тысяч рублей, но в 1914 году произошла денежная реформа, и многочисленная семья осталась без средств к существованию. Золотые когда-то банкноты, превратились в труху, в бумагу. Пётр Тимофеевич тяжело перенёс реформу, потерю денег, полученных за верную службу царю и Отечеству в Риге. Помутившись рассудком, пал духом, но не озлобился. Воспитанный по христианским заповедям, царя не предал: была война. Сначала подпоручик, а позже поручик царской армии, Советам служить отказался. В дальнейшем его признали «отказником» и на работу, достойную статусу и образованию, никуда не брали: бывший офицер не имел ни на что прав. Этому мешала и запись в трудовой книжке.

Устроившись стрелочником на железную дорогу, Пётр Тимофеевич обходил свой участок дороги строго по часам, его было видно издалека, селяне уважительно говорили:
- Время по нему сверять можно, идёт, как колонна...

Детей Рябых одного за другим забирали на войну. Тяжело ранили Василия, Павла. Павел потерял левый глаз, правую руку, стал инвалидом. 6 ноября 1945

года Указом Президиума Верховного Совета СССР за подвиг награждён медалью «За отвагу», хотя представлялся к ордену «Отечественная война» 1 степени. 6 июля 1943 года в Курской области, Поныровском районе, в ожесточённых боях за железнодорожную станцию без вести пропал Константин. Война покрошила сыновей. Финальный, траурный, поминальный ряд пополнился. Лишённый опоры, отец пал духом. Пётр Тимофеевич умер, не дождавшись окончания Отечественной войны, как говорили, от тоски, горя и безысходности. Талантливый стихотворец, он всё время горевал и переживал, что бессилён что-либо изменить. Из нужды так и не выкарабкался. Унижение, нищета и не востребоважность преследовали его до конца жизни. Самое главное для него было сохранить потомство, это же он наказывал своим детям.

После очередных потерь и издевательств над тружениками села, снова работали, в том числе и дети, начиная с трёхлетнего возраста, в меру своих силёнок карабкались, пытаясь выжить. С голода никто не умер, но и не припомнят, чтобы хлеб ели вдоволь. Если только на Пасху, в Рождество. Правда, на чердаке в соломе и сене всегда были запасённые на зиму яблоки. К весне они промерзали. Но можно было из них выбирать не полностью промёрзшие и есть, есть, вгрызаться. После такой еды болели животы, зато голод на время отступал.

Вспоминала Мария и о разбое, которому подверглась с детьми в 1944 году в двадцатипятилетнем возрасте.

Голод. Перебивались с мякины на хлеб. Женщины ходили в соседние сёла менять соль на хлеб, иногда на другие продукты. По дороге домой так хотелось съесть хоть кусочек, да дети дома голодные. Поди, возле окон сидят, мамку ждут с кусочком хлебushка насущного. Доводилось и суп с лебедой варить, и другие «деликатесы» выдумывать. Как только выжили? Что удивительно - не болели. Отец на фронте. Ни один из детишек не погиб от нужды, болезней и голода. Она всех сохранила и выходила. Было и такое, что из-за лебеды с соседкой поскандалили, а когда опомнились, обнялись и проплакали полдня.

Как-то вечером сидят, пригорюнившись; дома тихо, слышно, как муха летает. Средний – Витёк и говорит:

- Э – хехе – хехе - хехе, был бы у нас хлеб-то ...

Выжили. С любовью возможно всё сдюжить.

Другим ещё хуже было. Как-то пришла женщина-побирушка. Глаза её глубоко запали, под ними коричневые круги, щёки горят, руки дрожат. Просила еды для

троих детей, оставленных у случайных людей. У Марии для своих было припасено три свёклы и кусочки ржаного хлеба. Пришлось поделиться, а женщина, качаясь от ветра, тут же всё сама и съела.

Мария стала шуметь на её:

- Ты же для детей просила, а сама всё поела!

- Если бы я сейчас не поела, то свалилась бы и детки мои погибли. А теперь я дальше пойду, работу буду просить и детей выхожу. Сумею спасти их.

Вечером остатки еды поделили, подобрали крошки и начали укладываться спать.

Братья спали на печи, завернувшись в тряпье. Нина с матерью – на кровати. Керосин заканчивался. Валентин загасил лампу, подставив ладонь к отверстию утром вычищенного изношенным ёршиком стекла. Может, завтра вечером удастся ещё раз зажечь, если остатки керосина не высохнут и по краям к фитилю стекут. Кто сыт, кто не очень, улеглись. Мария по ночам спала плохо, ворочалась с боку на бок, обдумывала, чем завтра детей накормить, как там муж на войне, скоро ли фашистов одолеют...

Так до утра и коротала время. Не спалось и в эту тревожную ночь. Тишина и скорбь сковали тело. До рассвета недалеко ...

Оглушительный звон и треск раскололи глухую ночь. Мимо кровати, задремавшей было Марии, со свистом пролетело полутораметровое полено. Выбитая рама и стёкла со страшным скрежетом и звоном разлетелись по небольшой комнате. Мать вскочила, закрывая собой трёхлетнюю дочку. На печи заплакали испуганные мальчики.

В окно пролез бандит – грабитель, и к Марии:

- Зажигай лампу, выкладывай еду, какая есть, вещи.

- Керосина нет. Вот свеча, спички...

Разбойник сам зажжёт свечу. Шарит по углам, под кроватью, в поддувалах печи.

Подошёл к сундуку:

- Открывай!

- Сундук свекровкин, ключ у неё. Она там своё держит, ключ не даёт. Наших вещей там нет. Всё, что имеем, – на нас.

Бандит, не скрывая лица, а им оказался дальний родственник мужа (одно село – все свои), нигде не работающий Ванятка, по прозвищу «пиюн», играючи, легко сорвал замок и стал вытряхивать из сундука вещи. Среди них оказался мешочек с крупой и упаковка твёрдого кускового сахара, завёрнутого в синюю плотную

бумагу, перевязанную суровой ниткой. Одного такого куска сахара, если его расколоть на сложенной лодочкой ладони, хватило бы всей семье дня на три пить с кипятком вприкуску. Там же обнаружили два отреза ситца и штапеля по три метра. Их выдавали по талонам, по подписке.

Грабитель с угрозой подступил к насмерть перепуганной женщине:

- Что ещё есть в доме? Отдавай, хуже будет! Нет ли золота? - орал, шаря белёсыми глазами по вжавшейся в стену женщине.

Мать вытащила из худого сапога мешочек с солью:

- Вот, обменять на хлеб приготовила, хотела утром в Трастён идти... А серёжки ещё при раскулачивании забрали...

Разбойник, не торопясь, сложил награбленное в большой шерстяной клетчатый платок с махрами, перевязал крест-накрест, перекинул через плечо и вылез в окно, через которое проник в избу. В дверь выходить не стал, хотя препятствий не было, сопротивление оказывать некому.

На печи было тихо. Старший Валентин подглядывал через дырку в досках, наблюдая за действиями ночного разбойника. Мария приказала ребятам молчать, лишь бы их не тронули, как случилось в соседнем селе...

Чуть рассвело, приковыляла свекровь, бабка Матрёна, уже прознавшая о случившемся. Запричитала, что украли её пожитки, схороненные от чужих глаз. Больше всего ей было жалко сахар. Месяца три назад его из Каширы привезла, даже детям не показывала. Не давала хотя бы посластиться по малюсенькому кусочку: на чёрный день берегла. А куда чернее? Пожалковала она, пожалковала, но ничего не сделаешь. Если заявлять уполномоченному, ещё хуже будет. Хорошо, что живы остались.

Когда-то этот, узанный всеми односельчанин Ванятка, громил Рождественскую церковь, сбрасывал с храма купола, топтал веками намоленные иконы. Людей обижал, работать не хотел. Продолжал промышлять разбоем, но кара не заставила себя долго ждать. Его изувеченное тело, растерзанное колёсами товарняка с военным вооружением, обнаружили вскоре на шпалах за переездом. Закопали бандита не по-христиански. Может, и помянул бы кто его, но даже холмика над захоронением не сохранилось.

Близился рассвет. Мария, погладив тыльной стороной ладони бледненькие щёчки деток и поправив ветхие одеяльца на них, продолжала лежать с открытыми глазами, - больше не выдержу, неужели судьба не сжалится надо мною? Сосуд терпения Марии наполнился всклянь...

- Испытания даются по силам, не больше и не меньше, а детки материнское терпение усиливают во сто крат. Чаша не кажется такой неподъёмной -

... На рассвете второй ночи скрип калитки возвестил о возвращении долгожданного мужа, отца, сына и брата, защитника семьи и Отечества. Трофейные, хромовые сапоги мягко ступали по родному, затаившемуся в ожидании, палисаднику. Мир родного жилья и покой встретили солдата.

Не перевязанной, здоровой рукой, он снял со спины запылившийся брезентовый мешок.

Жена, в венчальном зелёном платье, ставшем свободным на исхудавшей фигуре, перехваченном на талии пояском, затаив дыхание шла навстречу своему Василию, не чувствуя земли под ногами.

Они встретились, обнялись до боли и остались вдвоём на всём белом свете.

Ещё звёздное, предутреннее небо смотрело в их окошко и словно удивлялось, что бывает на грешной земле такое святое светлое счастье.

Солнце видит много прекрасного, а луна и звёзды ещё больше! Так было с начала времён и будет продолжаться, пока на земле существует род человеческий.

Позже Мария поведала Василию, своему Васильку, о найденном детьми двухжелтковом яйце и о сбывшейся примете, означавшей возвращение с войны брата Александра и мужа.

Пролетели времена. В Рождественском у венчанных, соединённых Небом, не разлучных людьми супругов, родилось ещё четверо детей, а когда переехали в наукоград Мичуринск и Василий Иванович построил свой домик, размером не более 60 квадратных метров (больше строить было запрещено!), родились ещё двое деток, а всего девять, как у Елизаветы Назаровны и Петра Тимофеевича. В русских семьях имена детям нарекали в силу памяти к ушедшим родичам, традиций, по святым. Каждое имя, начиная со старшего, главного, Валентина, много означало. Потом был Виктор – победа, следом Нина, Вера, Клавдия, Татьяна, Владимир, Николай, Александра. Христиане своих деток в утробе не убивали. В трудах и заботах выхаживали, ставили их на ноги, «на крыло». Они вырастали и разлетались, у каждого своя судьба, своя дорога.

В шестидесятые годы прошлого столетия по улицам на гужевых повозках разъезжали чумазые кучера – «тряпичники». Они собирали кости, тряпье и металлолом. В обмен давали воздушные шары, иголки, нитки, безделушки, в том числе и серёжки из жёлтого металла со стеклянными разноцветными камушками. Подросшие дочери Марии предложили матери взять серёжки в обмен на приготовленное к выбросу тряпье:

- Мама, в ушах у тебя дырочки остались, а серёжек нет, украшайся!

- Я серьги не носила лет сорок, дырочки наверняка заросли, да и ни к чему они мне. Вытащили, когда раскулачивали, так и не пришлось надеть больше.

- Мама, давай украшаться!

Мать ещё раз поведала дочкам о страшном раскулачивании их большой трудовой семьи.

Одна из дочек подсказала:

- Мама, а говорят, что можно собрать документы и обратиться в государственные органы для взыскания компенсации за незаконно конфискованное имущество.

- Я не хочу этого, Господь посылал нам испытания, мы всё выдержали, преодолели, детей с отцом выходили, сейчас не бедствуем так, как в лихие времена. От воды и хлеба никто никогда не умер. Бог дал детям жизнь, даст и долю. И сёстры Шура и Клавдия – против, мы об этом уже толковали. Рассказала о том, что было, что бы помнили, знали, какие беды посылала горькая судьбина.

Задумчиво продолжала:

- Ничего нам не надо, лишь бы все были живы и здоровы. Если даже какая копейка собиралась, происходили то реформы, то обесценивание денег, то на облигации принудительно-добровольно подписывали отца, а случалось, что вместо денег на сберегательных вкладах лишь копейки оставались. Уму непостижимо, какие горе и унижения пережиты. Будем и дальше карабкаться, другого не дано. И обиды нет, сизмальства привыкли трудиться, не покладая рук. По судам и кабинетам ходить не научены, тем более, вчерашний день искать. Если у кого получится кровное вернуть, за людей рады будем.

Скрипучая телега, запряжённая гнедой лошастью, подъехала к дому. Тряпичник крикнул:

- Тряпье, собираю тряпье!

Ненужную одежду сёстры обменяли на серьги. Принесли матери серёжки из жёлтого металла с красными камушками в виде сердечка по центру. Мария попробовала вставить их в уши – получилось: дырочки, видно, ждали своего часа. Украшения сели в свои гнёздышки. И сорок лет нипочём! Одна из дочек

уговорила мамку сходить в драматический театр на гастрольный концерт:
- Мама, ты у нас красotka! В театр цыгане с концертом приехали, семья Жемчужниковых, срочно идём, зря, что ли, серёжки надели?

Мамка заулыбалась и сходила с дочкой на концерт. Отец семейства, почётный железнодорожник, в этот день дежурил в ночную смену. Он до сих пор не знает, что Мария Петровна на концерт без него ходила, а то бы «пыль да мука»!

Вскоре дети подарили матери золотые серёжки в виде подков, обрамлённых девятью бриллиантами с рубиновыми сердцами по центру.